

Вальтер Лессинг (1881–1967), сын известного немецкого банкира, родился на Рейне, в Оберланштайне. В Первую мировую войну воевал во Франции. В начале 1917 года был переведён в Македонию офицером связи. После заключения Брестского мира был направлен в Москву, где активно помогал графу Мирбаху в налаживании сотрудничества с большевиками. На его глазах произошло убийство германского посланника, под впечатлением которого капитан Лессинг предпринял собственное расследование этого далеко не очевидного происшествия, причём ему удалось добыть ценные сведения о том, кто направил руку убийц. Как ни странно, до сего дня они не вошли в научный оборот.

Вальтер был не чужд литературному труду: в 1921 году в Берлине у него вышла книга *Deutschland und Osteuropa* («Германия и Восточная Европа»). По всему видно, это был весьма неординарный человек и ныне в его честь названа одна из улиц Ланштайна.

В меру своего скромного литературного дарования, уже на склоне лет (в 1957 году) попытался вспомнить былое. Вспомнить, как, пойдя по стопам своего отца, много и весьма успешно занимался предпринимательством в России, как пытался проявить себя на поприще стратегических инициатив.

Записки В. Лессинга под названием «Отец и сын в Царской империи. 1859–1914» пока не опубликованы. Впервые их обнаружил

мой папа при работе над книгой об истории Выксунского металлургического завода, который до Первой мировой войны принадлежал отцу Вальтера – Арону (Антону) Лессингу, а затем его брату Готфриду (Богдану).

«Материал о Лессингах я собирал долго, работал в архивах, помогали выксунские краеведы, – вспоминает папа. – Однажды в интернете наткнулся на материал в одной берлинской газете, сыгравший ключевую роль в поиске ныне живущих потомков Антона Лессинга в Германии. Стало ясно, что председатель фракции левых германского бундестага Грегор Гизи – его правнук; для Выксы это было открытием. Оказалось, что дочь Богдана Ирене вышла замуж за Клауса Гизи, будущего министра культуры ГДР; в этом браке родились мальчик и девочка: Грегор и Габриела. Сын же Богдана Готфрид эмигрировал в Африку, где женился на англичанке Дорис, которая прославила род Лессингов, став лауреатом Нобелевской премии по литературе».

В городке Ланштайн, в богатом родовом доме, и сейчас живёт потомок древнего рода Вильгельм Лессинг (раньше он был прокурором близлежащего Кобленца). Из рук Вильгельма папа и получил упомянутую рукопись, принадлежащую перу его деда Вальтера (сына Антона). Воспоминания предваряет следующая многозначительная ремарка:

«Гроссадмирал фон Тирпиц, который называл отца своим другом и покровителем, во время длительной беседы со мной в 1921 году настойчиво просил не предавать забвению события, как из отцовской жизни, так и моей собственной.

Знание Царской империи имеет большое значение и для понимания сегодняшней России, писал мне в прошлом году Артур Юст.² Потому и написаны эти строки. Ко всему прочему, они должны дать потомкам представление о деятельности их предков».

Точно подмечено, что мелкие события сближаются столь же странно, как и великие. Жизненные пути Вальтера Лессинга и русского поэта Максимилиана Волошина тоже несколько раз сближались, но всё-таки не пересеклись.

² Юст Артур (1896–1955) – немецкий писатель и журнальный издатель.

Эпизод первый

Начнём с того, что Лессинг учился и защитил докторскую диссертацию по юриспруденции в Гейдельбергском университете; этот же университет окончил известный врач Абрам Соломонович Залманов, гражданский муж графини Ольги Сивере, которая с юности дружила с будущей женой поэта Маргаритой Сабашниковой.

Летом и осенью 1905 года в письмах Волошину Сабашникова дважды упоминает виллу Залманова в Гейдельберге:

«А теперь пишите Нюрнберг Poste Restante, я там до воскресенья, а потом Heidelberg Dr. Salmanoff Steigerweg 51. Villa Waldfrieden».

«В Гейдельберге в 2 ч. дня. Темно и холодно. Опять запущенная вилла Waldfrieden, населённая странными русскими. Все чудачки, все ничего не делают, бродят по большим грязным комнатам и разговаривают. Я лежала с головной болью на кушетке».

И Волошин тоже проявлял интерес к Гейдельбергу: «Телеграфируйте мне немедленно, хотите ли, чтобы я приехал в Гейдельберг. Я выбираю Гейдельберг потому, что он ближе к Франции и потому, что Вы даёте там определенный адрес д-ра Салманова». (Из письма Сабашниковой; июль 1905 г.).

В записках Вальтера Лессинга есть упоминание о том, что, обучаясь в Гейдельберге в начале XX века, он навещал виллу русского доктора. Значит, Лессинг как-то соприкасался с Залмановым.

Эпизод второй

В 11-м томе Собрания сочинений Максимилиана Волошина, в комментариях к его письмам Маргарите Сабашниковой, отмечается, что вечером 8/21 января 1905 года поэт прибыл в Санкт-Петербург, где задержался до середины января (по русскому стилю). Сам Волошин утверждает, что он прибыл в столицу чуть позже: утром 9/22 января. «Я приехал в Петербург утром 22 января из Москвы, – пишет он в очерке «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге». – По Москве ходили смутные слухи о забастовке и называли имя Гапона. Но о том, что готовилось, – никто не имел никакого представления».

Вероятно, проезд был связан с тем, что осенью 1904 года Волошин принял предложение издателя Алексея Алексеевича Суворина (1862–1937) быть парижским представителем и политиче-

ским корреспондентом петербургской ежедневной газеты «Русь». В том же очерке читаем:

«Я поехал на извозчике в редакцию журнала “Русь”. Малая Морская и Невский от Адмиралтейства до Полицейского моста были совершенно пустынно. Ни одной души. Вдалеке войска. Как я узнал позднее, эта часть проспекта только минуту назад была прочёсана огнём. Сани пропускали везде. И меня пропустили через Полицейский мост между шеренгами солдат. Они в этот момент заряжали ружья. Офицер крикнул извозчику: “Сворачивай направо”. Извозчик отъехал на несколько шагов и остановился. “Похоже, стрелять будут!”»

Редакция суворинской газеты «Русь» находилась на набережной Мойки, 32 (в апреле 1905 года Суворин выкупит этот доходный дом в свою собственность). По странному совпадению, именно по этому адресу – Мойка, 32 – девятого января побывал и Вальтер Лессинг (об этом ниже во фрагменте его записок). С какой целью он там оказался и для чего вообще приехал тогда в Петербург – и не из Москвы, а из самой Германии! – остаётся только гадать. Во всяком случае, в своих записках он об этом умалчивает.

Был ли он знаком с самим А.А. Сувориным? В роковые дни июля 1914 года, когда мир висел на волоске от войны, Вальтер виделся с его младшим братом, Борисом Алексеевичем Сувориным (1879–1940), и пытался уговорить того умерить воинственный пыл газеты «Новое Время», издание которой Суворин-младший унаследовал от своего знаменитого отца. К тому времени у Вальтера Лессинга уже были широкие связи в столице, и потому эта встреча выглядит вполне естественной. Но в январе 1905 года сын богатого банкира только вставал на ноги, и в Петербурге его мало кто знал (известный делец Ротштейн, близкий к С.Ю. Витте и Ротшильдам, к тому времени уже умер).

Впрочем, не надо забывать, что отец Вальтера, Антон Лессинг, был тоже весьма близок и к Витте, и к группе Ротшильда, поэтому, скорее всего, Лессинг-младший просто исполнял некое деликатное поручение. По свидетельству Суворина-старшего: «Ротшильд за границей добивался с ним знакомства, просто преследовал его». В декабре 1904 года Алексей Сергеевич заносит в дневник: «Витте находит, что положение безвыходное, вообще. Один из вел. кн. был у него за советом. Он отвечал, что у больного такая болезнь, что лечить её можно, но выздоровеет ли он, это зависит от бога». И Ротшильды, конечно же, пользовались фи-

нансовой слабостью России в своих интересах. И порой довольно успешно шантажировали официальный Петербург.

В записках Лессинга о событиях 9-го января говорится довольно скупо:

«В январе 1905 года я вернулся в Россию, в уже совсем другой Петербург, и стал свидетелем т.н. Кровавого воскресенья. В тот день, 9/22 января, на площади перед Зимним дворцом было расстреляно челобитное шествие во главе со священником Гапоном – рабочие шли передать петицию царю. О Гапоне потом говорили, он – де провокатор Охраны, царской организации, являвшей собой нечто среднее между французской *Sûreté* и немецким гестапо, за что его и убили свои же товарищи, социал-демократы. Но в то время Гапон считался национальным героем.

Бессмысленная пальба дала толчок всеобщей забастовке в Петербурге и родовым мукам будущей революции. Самые невероятные слухи будоражили наш отель. Сидеть здесь взаперти с нервозной заграничной публикой было совершенно не по мне; наняв сани, я сперва по своим неотложным делам заехал на набережную Мойки, 32, а затем мимо Зимнего дворца, Васильева острова помчался на Петербургскую сторону: хотелось посмотреть, что делают на своей текстильной фабрике мои новые английские друзья по морскому путешествию.³

Отправив семьи на дачи в Финляндию, англичане укрылись в городском отеле. На месте остался только один немецкоговорящий инженер, окруживший себя усиленной охраной; он меня принял, но прежде постовые подали мне револьвер. Было жутко холодно, и мы отогревались горячим чаем и водкой. Извозчик тоже получил свою долю. “Обратно скачи по льду, а в отеле получишь хороший бакшиш. У господина немца нет русских денег”, – напутствовал извозчика инженер. Деньги и чаевые он получил от портье. Это была мера предосторожности, предусмотренная инженером.

К месту, где квартировали англичане, мы добирались с опаской. То и дело попадались военные патрули, заслоны, поваленные баррикады, которые придавали пустынным улицам вид зловеший и сумрачный. Зато обратный путь был полон дикой романтики. Широкая замерзшая река с диковинными формами громоздящихся друг на друга льдин, с заснеженной ледовой дорогой, едва расчищенной; абсолютный покой, прерывавшийся дальними орудийными выстрелами, всполохи костров, у которых грелась

³ Годом ранее В. Лессинг впервые прибыл в Петербург морем. На судне он познакомился с английскими фабрикантами.

замерзающая охрана; конные казаки – спешившись, они топили снег, чтобы напоить своих лошадей. На заднем фоне этого верещагинского полотна высились громады правительственных зданий и кафедральные соборы Петербурга. Эта картина запечатлелась у меня в памяти – и, спустя многие годы, она парадоксальным образом часто тревожит моё воображение».

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился, точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.
А ночью по пустым и гулким перекрёсткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далёким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...
Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте – всезрящий, как сова, –
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова.

(«Предвестия»)

Таким вошёл в поэзию Волошина тот день – 9-ое января. А приснопамятный очерк заключается грозным предсказанием:

«Эти дни были лишь мистическим прологом великой народной трагедии, которая ещё не началась.

Зритель, тише! Занавес поднимается...».

Спустя почти полгода, в письме Сабашниковой из Парижа поэт прозревает всю бездну грядущего: «Сознание священной неизбежности казни Царя во мне теперь растёт, не переставая. Это мне чувствовалось ещё в январе в Петербурге, но неясно и смутно».

Схожие чувства после революции выражал Осип Мандельштам: «Любая детская шапочка, рукавичка или женский платок, жалко брошенный в этот день на петербургских снегах, остава-

Волошин и Сабашникова

лись памяткой того, что царь должен умереть, что царь умрёт».

К слову, так ли велика вина пресловутого попа Гапона, как принято считать? Пожалуй, толпу накануне выступления удержать уже не мог никто. И Георгий Гапон решил разделить судьбу отчаявшихся, допуская, что может произойти катастрофа, и может быть, втайне желая её. Известный русский экономист и публицист П.Б. Струве оценивал его роль вполне трезво: «Гапон вывел в своё время в ужасный исторический день 9 января 1905 г. рабочие массы русской столицы на улицу. И вывел он *эти массы на улицу* в сущности *первый в русской истории*» (*Курсив автора*).

Эпизод третий

В своих записках Лессинг описывает, как в 1910 году его до полусмерти напоили на вокзале в Омске.

«Сибиряки – открытые, дружелюбные люди, что ценится немногими подвизающимися тут иностранцами. Они очень радовались, что петербургская фирма хочет в их краях открыть своё дело, но, к сожалению, принуждали меня к чрезмерному возлиянию. Вспоминаю жуткий случай в Омске: нешуточное отравление водкой. На вокзале, отстоящем от города на двенадцать километров (!), трактирщик заговаривал мне зубы: “А теперь выкушайте-ка ржаного хлебца с горчицей и перцем да на посошок ещё водочки!”»

Я содрогнулся от ужаса, но, переступив через себя, проглотил подсунутый ломоть – и тут же почувствовал такой жар, что лишь выпитая залпом водка принесла облегчение, если не сказать, удовольствие. От Омска до Новониколаевска я проспал тридцать два часа кряду...»

И тут в его довольно безыскусное повествование вдруг врывается неожиданное четверостишие – явный перевод начальной строфы волошинского стихотворения «Неопалимая купина»:

*Wer bist du, Rußland? Eine Fata Morgana? Eine Sinnestäuschung?
Warst du? Bist du oder nicht?
Ein Strudel... eine Stromschnelle... Wirrnis
Ein Abgrund... Verrücktheit... Wahn*

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

«Неопалимая купина» датирована 28 мая 1919 года, а записки Лессинга – 1957 годом. Значит, до старости лет Вальтер помнил и любил стихи русского поэта – и даже цитировал их, вспоминая свою бурную молодость в России. С «мучительно-бесформенным чувством, безмерным и смутным» – чувством России – он не расставался до преклонных лет.

Хочется отметить и близость мировоззрений Волошина и Лессинга. Ни тот, ни другой с началом войны не поддались шовинистическому угару. «Дозволь не разлюбить врага // И брата не возненавидеть!» – вот поэтическое кредо Волошина. Это был поистине вызов тогдашнему обществу: вспомним, что Гумилёв славил «дело величавое войны», а Северянин куражился: «Я поведу вас на Берлин!»

«Мне стало ясно, что англичане достигли своей цели», – хладнокровно резюмирует Вальтер Лессинг в своих записях. Кстати, и Волошин не был склонен винить одних немцев в развязывании мировой войны.

Многозначительное соприкосновение двух судеб – и шире, немецкого и русского социумов.

Нижегородская область, г. Саров